

УДК 342; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-601-609

Философское понимание силы права: совесть и достоинство в истоках народной органической жизни

¹Исмагилова М.М., ²Римский А.В., ³Римский В.П.

¹ Культурно-спортивный центр (филиал ООО Газпром трансгаз Чайковский)
617762, Россия, Пермский край, г. Чайковский, ул. Советская, 49

² Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
308024, Россия, Белгород, ул. Горького, 71

³ Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308000, Белгород, ул. Королева, 7

E-mail: alex.rimskiy@yandex.ru; masha.stepkina.2012@mail.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. Представлена попытка интерпретировать совесть и достоинство в контексте правовых изменений в российском обществе, исходя из положения о нравственном смысле права в традиционной правовой культуре. Автор статьи полагает, что категории совести и достоинства в русской традиции носят не индивидуалистический смысл, а связаны с экзистенциальным измерением, выводят право на состояние обращенности к народной органической жизни, где мерилom является совесть как явление национального самосознания. Сделан вывод о том, что в традиционной правовой культуре обосновано понимание совести как ключа к достоинству человека, при этом для автора самоочевидным становится нравственное регулирование диалога общества и государства, власти и народа.

Ключевые слова: совесть, достоинство, сила права, правовая традиция, модернизи, интеллигенция

Для цитирования: Исмагилова М.М., Римский А.В., Римский В.П. 2022. Философское понимание силы права: совесть и достоинство в истоках народной органической жизни. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(3): 601–609. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-601-609

Philosophical Understanding of the Power of Law: Conscience and Dignity in the Origins of People's Organic Life

¹Maria M. Ismagilova, ²Aleksey V. Rimsky, ³Viktor P. Rimskiy

¹ Cultural and Sports Centre (branch of OOO Gazprom transgaz Tchaikovsky),
49 Sovetskaya St, Tchaikovsky, Perm Region 617762, Russia

² Putilin Belgorod law Institute of the Ministry,
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russia

³ Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308000, Russia

E-mail: alex.rimskiy@yandex.ru; masha.stepkina.2012@mail.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Abstract. This article attempts to interpret conscience and dignity in the context of legal changes in Russian society, based on the position about the moral sense of law in the traditional legal culture. The author supposes that the categories of conscience and dignity in Russian tradition have not individualistic meaning, but are connected with existential dimension; they bring law to the state of being applied to national organic life, where the measure is conscience as a phenomenon of national self-consciousness. Concluding that the traditional legal culture substantiates the understanding of conscience as the key to human dignity, the author considers the moral regulation of the dialogue between society and state, power and people to be self-evident.

Keywords: conscience, dignity, power of law, legal tradition, modernity, intellectuals

For citation: Ismagilova M.M., Rimsky A.V., Rimskiy V.P. 2022. Philosophical Understanding of the Power of Law: Conscience and Dignity in the Origins of People's Organic Life. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 601–609 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-601-609

Для понимания социальной и правовой динамики важно рассмотреть, как она выражает конституционализм и симфонизм в сознании и правовой культуре русской интеллигенции. Немаловажное место здесь занимает дух эпохи и дух человека. Отмечая, что сила права состоит по внешней форме в политико-институциональной конфигурации, мы должны отметить следующие обстоятельства. Русская интеллигенция является уникальным культурно-историческим явлением, поскольку в ней соединились революционный и нигилистический разночинский дух, увлечение идеями освобождения и одновременно стремление понять русское общество, русскую культуру. Не случайно сформировалась плеяда блестящих русских юристов (Муромцев, Новгородцев, Суздальцев), тех, кто пытались выявить самобытность русского права, соотнесенного с русским обществом и русской властью. Это общее положение конкретизируется, принимает ясность, когда мы включаем в описание права такие нравственные и культурные категории, как «совесть» и «достоинство». Действительно, русская правовая традиция связана с народной органической жизнью, в ней понятие «совесть» как веление личности, как ее высокий побудительный мотив сопрягается с понятием достоинства, чести, способности быть человеком не только в критические моменты жизни – с этим мы уже сталкивались в истории на примере негативной мобилизации, – но и с испытанием бытом.

В этом смысле приходит на память мысль историка русской философии Н.О. Лосского, который писал, что сама идея русской философии пропитана тем, как традиция находится в родстве с русской идеей, как существует изумительное сверхэмпирическое единство народа. Когда он говорит о И.В. Киреевском, то делает вывод о том, что Киреевский был подлинным выразителем глубинных основ русского духа [Лосский, 1994, с. 31]. Таким образом, есть необходимость рассматривать правовую традицию в ее отреллексированном виде, опирающейся на духовность русского народа, закрепленную в православной традиции.

Повторяя мысль о том, что русское общество является традиционным и в этом его сила и особенность, в отличие от западной цивилизации, сложно определить то, что является воплощением этой особенности в правовом смысле. Здесь требуется разделить правовые влияния, связанные с модернизацией права, совершенствованием правового кодекса, и то, что мы называем глубинной сущностью права. Когда ставится вопрос о совести и достоинстве, аргументация не должна сужаться до подвига отдельной личности, сподвижника. Актуальным является то, как совесть и достоинство выгранены в правовых коннотациях, в правовых суждениях и оценках общества.

Интересный факт – русская адвокатура в конце XIX века «рыла могилу» власти, защищая революционных террористов (её во многом и справедливо за это попрекали). Это вопрос, который затрагивал русскую интеллигенцию, и дело не только в её комплексе «народолюбия». Представители интеллигенции, выражаясь языком морали, говорили, что так им велит совесть и те, кто был подвергнут преследованиям государственной машины, несмотря на их злодеяния, нуждаются не только в декларативном сочувствии.

Парадоксально, – это было то, что в современном языке называется «профессиональный долг», и он, профессиональный долг, сейчас стал абстракцией равнодушия. Нередко исполнение профессионального долга связывается с возможностью заработать

символический и материальный капитал, а адресат юридического действия остается вне понимания совести, квалифицируется как клиент. В этом и есть отличие современных профессионалов от русской интеллигенции, которая включила понятие совести в правовую мысль.

Каким образом совесть может быть регулятором права? В.С. Соловьев называл право низшей ступенью морали, вынужденной необходимостью, требующей устранения абсолютного зла [Русская идея, 1992, с. 189]. Ф.М. Достоевский писал о том, что само понятие совести заставляет человека осознавать себя или в мире, или вне мира; совесть есть величайшая ответственность человека [Русская идея, 1992, с. 149]. Поэтому, когда Достоевский описывал ужасы войны, он четко указывал на то, что именно совесть требует от личности не совершать деяния, несовместимые с достоинством человека; что несмотря на зверства противника, русский солдат не был склонен к повторению зверств, был освободителем славянских народов в высоком нравственном смысле и нес избавление не только от национального гнета и многовекового рабства, но и, по существу, показывал, что есть пределы выше формальных правовых норм: надо жить и поступать по совести.

Это, кстати, актуально и поныне для понимания действий «русского солдата». В этом контексте важным представляется то, что российские воины, защищая Отечество в настоящий момент, являются не только профессионалами, выполняющими свои обязанности, к ним предъявляется – и они взаимно предъявляют обществу – императив судить обо всем по понятию совести. Совесть – это не химера, которую топтали нацисты, а затем их дело продолжили явные и не явные наследники. Совесть – это глубинное измерение русской правовой мысли.

Американский исследователь Дж. Х. Биллингтон в своем произведении «Икона и топор» пишет о топоре как орудии возмездия [Биллингтон, 2001], парадоксально сочетающимся с иконой – символом святости, но он так и не понял самого важного: именно русский народ целиком оправдывает драматический ход событий, народ всегда начинает и завершает историческую драму. Эта мысль прозвучала в комментарии Биллингтона оперы М. Мусоргского «Хованщина», но ее подлинный смысл гораздо шире. Именно народ является выразителем совести, если, конечно, мы имеем дело с народом, а не с «биомассой», населением и другими расплывчатыми и сомнительными предикатами.

Таким образом, понятие совести восходит к истокам русского правового сознания. Право обретает силу, если оно базируется на совести, на стремлении и личности, и общества жить в гармонии. Обратной стороной совести является стыд как чувство виновности, но стыд вторичен по отношению к совести, точнее, стыд есть показатель того, что общество способно к самоврачеванию, и стыд, несмотря на драмы и коллизии общественной жизни, актуализирует фильтры права, ставит разграничительный знак между дозволенным и недозволенным.

То, что в западной европейской интеллектуальной истории английский философ Ф.М. Тернер обозначает как «поворот к субъективизму» [Тернер, 2016, с. 81], в реальности означало, что модернизи (современность) освободило эпоху духа просвещения от вмешательства священничества, но дело не только в секуляризованности. Для человека жизнь состоит в действовании, в избавлении от божественного откровения и переносе смыслов на внутренний религиозный опыт, требует рассматривать человеческие творения (к чему относится и право) по критерию конструирования человеческим разумом собственного опыта. А это означает, что совесть как категория трансцендентная уходит в прошлое и на ее место, даже если человек, по Канту, рассматривает сам себя, становится понятие достоинства.

Казалось бы, призыв к способности мыслить, что отделяет человека от животного, обнаруживает стремление к рационализации, а право выступает одной из высших форм

рационализма. Здесь есть очень тонкий момент, который заключается в том, что с освобождением от трансцендентности, метафизичности, внешнего религиозного опыта человек, внутренне оставаясь наедине с самим собой, как говорил Р. Гвардини [Самосознание... 2000, с. 201], обнаруживает, что исчез центр мира, а от этого логика модернизируется впоследствии переходит в логику постмодернити, релевантности понятий, в том числе и нравственных категорий. Даже если считать достижением XVIII века то, что поворот к субъективизму создал очаги личной свободы, свобода, таким образом, – и это видно по размышлениям современных либеральных теоретиков, – становится свободой «от», или негативной свободой и отменой права, потому что нынешняя отмена презумпции невиновности является отменой права.

Русская философская мысль предчувствовала такой опасный поворот событий, когда в работах Достоевского, Леонтьева, Бердяева был поставлен знак равенства между совестью и ответственностью. Понимание того, что совесть воспроизводится в праве как ограничитель бесправия, требование поступать должным образом, есть трудность. Действительно, правовые нормы, следуя логике равенства, формальны, не относятся к личности как таковой, а аргумент совести не является юридически обоснованным. Но, если обратиться к истории традиционного права, права как способности выражать духовность человека, вероятно, совесть становится обязательной по отношению к достоинству. К такому выводу мы можем прийти на основании размышлений Н.А. Бердяева, который пишет о судьбах России (с ним можно соглашаться или не соглашаться), о том, что несмотря на исключительную способность русской интеллигенции к идейным увлечениям, несмотря на то, что русский интеллигент пережил увлечение Гегелем, Шеллингом, Фейербахом, Марксом, эта болезнь не привела к духовному вырождению.

Да, даже невзирая на религиозный экстаз, важной стороной этого процесса стало пробуждение мысли и, несмотря на нигилизм, утопизм революционности, оно было связано со стремлением к внутренней свободе, к тому, что уже первый русский революционер А. Радищев утверждал верховенство совести. У А. Радищева, которого можно считать первым русским носителем радикальных революционных идей, суть размышления состоит в том, что именно категория совести должна применяться и к обществу, и к государству, что если государство поступает «не по совести», то оно не может претендовать на то, чтобы поучать народ, быть апостолом совести.

Русская интеллектуальная мысль (обратим внимание на этот термин Бердяева) искала ответ на вопрос, что есть Россия и какова ее судьба. Как бы не попрекали русское общество в мессианизме, в том, что оно постоянно увлекается ложными идолами и в этом смысле безнадежно отстало от «современного» мира, наверное, это благо для России, так как здесь нигилизм дошел до предела, а действующие вместо ценностей «правила» на современном Западе показывают убожество европеизма.

Не останавливаясь на критических оценках, нам следует согласиться с тем, что совесть – это то, что позволило и позволяет традиционной системе права быть сопричастной и судьбам страны, и судьбам народа. Совесть не является только элементом внутреннего опыта. В этом смысле расхожее правило «каждый поступает по своей совести», требуя от человека внешнего соблюдения, как следствие, допускает моральный релятивизм. Неправильное судебное решение является не уделом судьи, совершившего преднамеренную или непреднамеренную ошибку. «Поступать по совести» означает ставить понимание того, что есть совесть, задуматься над интерпретацией того, что есть правовое решение. Для постижения этого вывода мы опираемся на русскую религиозно-нравственную и интеллектуальную традиции, на то, что понятие совести не означает волю индивидуализма, возведение достоинства человека в безусловный постулат.

Важно отметить тот момент, что при ситуации распада «связи времен», как писал В. Малинкович, ценности нового времени оказались переходящими в «правила» и ссылки на «человеческий разум», и, как показал проект Просвещение, не спасли и могут иметь следствием идеологию ненависти и вражды, но именно обращение к совести и достоинству как к двум полюсам права избавляет от романтизма и гиперрационализма [Малинкович, 2008, с. 77]. Думается, что фаустовское мировоззрение не свойственно русской традиции, потому что оно может вызвать острый конфликт в сознании человека между совестью и успехом. У И. Гете была реальная проблема творческого потенциала человека, но что примечательно, победа либеральной идеи прав человека, достоинства личности не предупредила брожения умов в Европе, что характерно для коннотаций русского традиционного права, несмотря на исторические испытания.

Сказанное выше вовсе не означает, что мы имеем иммунитет против проявления антисовести, нравственного нигилизма или унижения достоинства человека. Думается, что веберовская мысль о рационализации не только экономики, науки, искусства, государства, о том, что всё должно быть практически рациональным, хорошо выверенным и проверенным, отнимает у человека право мыслить. Как признает В. Малинкович, советскому человеку проще, чем рационализированному западному, погружаться в сферы, которые принято называть духовными.

Рассматривая проблему совести и достоинства в русской правовой традиции, нельзя не отметить то, что мы не отождествляем правовые коннотации и правовую традицию, поскольку традиция богаче по объему и содержанию, но дело не только в этих внешне количественных параметрах. Правовые коннотации подчеркивают и выделяют особенности российской системы права как имеющие формально юридические параметры, но реально восходящие к традиции как к механизму воспроизводства духовной жизни российского общества.

Обращаясь к наследию митрополита Иоанна, который написал замечательные «Очерки русского самосознания», мы можем говорить о том, что согласно православному учению раскол на Руси был связан не только с борьбой никонианцев и старообрядцев, а имел гораздо более глубокие и серьезные основания и последствия в процессах секуляризации, реформах Петра I, который много сделал для российской государственности, но одновременно внес дух западничества в русскую общественную жизнь и национальное самосознание [Митрополит Иоанн, 1994, с. 236]. Митрополит Иоанн говорил о том, что западничество являлось тем обстоятельством, которое имело догматический характер для российской истории, для раскола элит и народа и привело в конечном счете к кризису самодержавного духа.

Ведь согласно имперской идее, существовавшей в XIX веке, оформленной русской консервативной мыслью, быть русским – значит быть верноподданным империи, носителем имперской идеи. Это то, что являло резонанс универсальности православной традиции, то, что оставалось и остается смыслом русского права, имеющего основания в согласии народа и власти. Иными словами, каждый раз, когда право пытается изменить народное национальное самосознание, когда в правовые конструкции вносятся идеи стяжательства и эгалитаризма, правовые нормы не воспринимаются в социальной повседневности и становятся источником коррупции, деформации права, перевертывания его миссии. Жизнь всякого человеческого сообщества, говорил митрополит Иоанн, зиждется единством мировоззрения, определяющего не только морально-этические и религиозно-нравственные нормы поведения, но и то, что признается людьми допустимым, а что нет, что выдается за благо, а что за зло, и какой смысл появляется в человеческом бытии и какова его личная высшая цель.

Казалось бы, разрыв между правом как системой принуждения в эпоху вынужденного недоверия (А. Селигмен) не соприкасается с моралью, с традицией, которая воспринимается в лучшем случае консерватизм [Селигмен, 2002, с. 199]. Но понятно, что столкновение противоречивых идей, которое может быть выдано за свободу мнений, не есть доказательство верховенства права над народным бытием. Духовные начала коренятся в русской правовой традиции, традиционной культуре, ориентированной на высшие смыслы. И когда заявляют, что справедливость признается как базовый принцип вне совести и достоинства, в этом есть определенная эпистемологическая ошибка и лукавство. Справедливость – слишком пустое понятие для морали, если оно носит сугубо социоцентристский смысл, как это показали и показывают социалистические движения, доходящие до казарменного социализма и уравниательства. Оно становится правовым, если опирается не на конструкт формального правового равенства, а связано с понятием «жить по совести».

Поэтому трудно представить судьбу России, подобно описанной З. Бауманом в конструкте индивидуализированного общества [Бауман, 2002, с. 298]. Видный социолог постмодерна писал о том, что в современном мире человек перестает видеть опору в государстве, солидарности и идентичности. Как ни удивительно, опасения З. Баумана относительно современного человека, траектории его жизни, совпадают с мыслью митрополита Иоанна. Они объективно солидарны в том, что на лицо кризис современной демократии, которая перестала быть идеей субъекта как гражданина и члена политического организма у З. Баумана и является демократией меньшинств, которая воспринималась митрополитом Иоанном в качестве диктатуры формы, формального и подавляющего механизма.

Анализируя совесть и достоинство как непреходящие ценности личности и общества, лежащие в основе традиционного общества, легко «напороться» на частокол обвинений в автократии и даже в тоталитаризме. Но, как мы выяснили ранее, русская правовая традиция не является антиконституционалистской: напротив, в ней запечатлены основные права человека, но именно как человека традиционного общества, как гражданина, «живущего по совести». Не случайно З. Бауман говорит о том, что демократия есть власть меньшинства в том смысле, что требует выступить от всех, но для этого основывается только на формальных юридических нормах, лишенных юридической оболочки.

Российский исследователь В.В. Ильин, классифицируя современную теорию познания, отмечает, что прославление технизма, урбанизма, национализма, фактурности, технологичности создает кризисную ситуацию, а сверхзадачей оказывается выработка ответственности в пределах «этики обещаний», веры в бога и «осмотрительного поведения». В действительности правовые формы вне совести, как ответственность перед Богом и обществом, и достоинства как самосознания личности в рамках дилеммы «человек – не человек» выводят на то, что вне традиции, и это можно объяснить из противоречивых реформ модернизации. Они становится практиками «внутренней колонизации», и по мере того, как в предшествующий советский период нарастала атмосфера безверия и ухода от языка просвещенческого универсализма, стал отрицаться сам смысл права как выражения экспрессии совести.

В позднесоветский период, когда под лозунгом перестройки началась атака на основы, пусть несовершенного, но имевшего смысл для миллионов людей социалистического проекта, правовые институты, такие как демократия и рынок, стали магическими формулами, увлекшими общество в дебри несправедливости и разочарования. Получилось так, что взгляд на мировую историю из социалистической перспективы оказался, по мнению строителей нового капитализма, ложным, но при этом перестала существовать категория совести. Отмечается, что правовая коннотация совести в правовом поле российского общества в постсоветский период формализовалась [Баранов, Овчинников, 2006], и не случайно либеральные теоретики пытаются выдвинуть претензии по поводу беспомощности

права в российском обществе как свидетельство правовой демодернизации. Мы же можем отметить, что, наоборот, именно формализация правовых норм, попытки перевести их на язык европейского конституционализма, выхолостить экзистенциальную сущность права создали ситуацию правовой неопределенности. Россия выявила тенденцию упрощения реальных социальных, культурных и в целом экзистенциальных проблем.

Когда мы говорим о правовых инновациях, о тех усилиях, которые предпринимаются российскими законодателями и представителями власти, не трудно заметить, что речь идет об укреплении авторитета российского государства, сужения простора антисистемных влияний, и правовые нормы, которые были закреплены в 90-е годы, естественно нуждаются в коррекции, действительном соотношении с живым правом. Совесть, как регулятор правовых изменений, воздействует на принятие критерия соответствия правовых норм традиционным ценностям. В этом контексте конструктивны намерения нейтрализовать действия постмодернистских веяний, связанных с релевантностью права, с внедрением трансгендерной проблематики, с пропагандой однополых браков. Это, так сказать, поверхность, в которой наиболее проявляются противоречия нашей жизни, и их нельзя свести только к остаточным влияниям западной правовой культуры.

Особенность русской правовой культуры, восходящей к православной традиции, состоит в том, что совесть как ядро традиционной морали является пространством ответственности человека, того, что Достоевский относил к сфере свободы. Совесть является смыслом ответственности и смыслом направленности воли, действия человека по образцу апостолов. Не опасаясь такого сильного сравнения, мы можем говорить о том, что именно совесть в русской правовой традиции относится не только к интеллигенции, к её лучшим представителям, но и к народу как органическому субъекту, основывается на понимании человека как образа Божьего. Несмотря на то, что Н.А. Бердяев назвал стремлением к анархии и бунтарству, действие духа распространяется на все человечество, дух объемлет душу и тело, то есть именно дух, как сердцевина права, вынуждает человека действовать по Божьей воле [Бердяев, 1997, с. 272]. Другими словами, для личности совесть есть то, что стоит над справедливостью. Чувство сопричастности к справедливости возникает в том месте и тогда, когда пробуждается совесть.

Размышляя таким образом, мы возвращаемся к теме крепости духа (митрополит Иоанн), к состоянию убежденности в том, что судьба России – божий промысел. Это не вздорное суждение о богоизбранности народа. Российский народ здесь нужно различать как гражданско-политическую и духовную общность. Но, если мы в традиционном праве на первое место ставим духовность, измерение жизни по божьему закону, то гражданин является носителем совести, и если он претендует на достоинство, то должен быть человеком совести. Достоинство нужно заслужить, хотя оно и возведено в ранг формального права, но получает смысл в совести. Таким образом, конфигурация свободы и совести создает понимание права как включенного в мир субъективных ценностей российского человека.

Список литературы

- Бауман З. 2002. Индивидуализированное общество. М., Логос 390 с.
- Баранов П.Л., Овчиников А.И. 2006. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления. Ростов-на-Дону, НИИ МВД России, 192 с.
- Бердяев Н.А. 1997. Русская идея. Судьба России. М., Изд «Сварог и К», 526 с.
- Биллингтон Дж. Х. 2001. Икона и топор. Изд. Рудомино, 879 с.
- Гражданские позиции интеллигенции. «Камо грядеши». 2004. М., Российский государственный гуманитарный университет, 359 с.
- Ильин В.В. 2020. Теория познания. Критика инструментального разума. М., Проспект, 160 с.
- Ильин И.А. 1998. О грядущей России. Джорданвилл, 367 с.

- Лосский Н.О. 1994. История русской философии. М., Прогресс, 460 с.
- Люкс Л. 2009. История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина. М., Российская политическая энциклопедия, 527 с.
- Малинкович Вл. 2008. Век вывихнут... Распалась связь времен М., Международный институт гуманитарно-политических исследований, 352 с.
- Митрополит Иоанн. 1994. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. Изд. Л.С. Яковлевой, 352 с.
- Русская идея. 1992. М., Республика, 496 с.
- Самосознание культуры и искусства конца XX века. 2000. М., Спб., Университетская книга Культурная инициатива, 640 с.
- Селигмен А. 2002. Проблема доверия. М., Идея-Пресс, 256 с.
- Тернер Фр. М. 2016. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше. М., Кучково поле, 384 с.
- Традиция и русская цивилизация. 2006. М., Астрель, 282 с.
- Уолцер М. 2000. О терпимости. М., Дом интеллектуальной книги, 160 с.

References

- Bauman Z. 2002. Individualizirovannoye obshchestvo [Individualized society]. Moscow, Publ. Logos 390 p.
- Baranov P.L., Ovchinikov A.I. 2006. Aktual'nyye problemy teorii pravosoznaniya i pravovogo myshleniya [Actual problems of the theory of legal consciousness and legal thinking]. Rostov-on-Don, NII MVD Rossii, 192 p.
- Berdyayev N.A. 1997. Russkaya ideya. Sud'ba Rossii [Russian idea. The fate of Russia]. Moscow, Publ. Svarog i K, 526 p.
- Billington Dzh. KH. 2001. Ikona i topor [Icon and axe]. Moscow, Publ. Rudomino, 879 p.
- Grazhdanskiye pozitsii intelligentsii. «Kamo gryadeshi». 2004. [Civic positions of the intelligentsia. "Kamo are coming"]. Moscow, Publ. Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 359 p.
- Il'in V.V. 2020. Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma [Theory of knowledge. Critique of instrumental reason]. Moscow, Publ. Prospekt, 160 p.
- Il'in I.A. 1998. O gryadushchey Rossii [About the coming Russia]. Dzhordanvill, 367 p.
- Losskiy N.O. 1994. Istoriya russkoy filosofii [History of Russian Philosophy]. Moscow, Publ. Progress, 460 p.
- Lyuks L. 2009. Istoriya Rossii i Sovetskogo Soyuz. Ot Lenina do Yel'tsina [History of Russia and the Soviet Union. From Lenin to Yeltsin]. Moscow, Publ. Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 527 p.
- Malinkovich Vl. 2008. Vek vyvikhnut... Raspalas' svyaz' vremen [A century will dislocate... The connection between the times of M. broke up]. Moscow, Publ. Mezhdunarodnyy institut gumanitarno-politicheskikh issledovaniy, 352 p.
- Mitropolit Ioann. 1994. Samoderzhaviye dukha. Ocherki russkogo samosoznaniya [Autocracy of the spirit. Essays on Russian identity]. Publ. L.S. Yakovlevoy, 352 p.
- Russkaya ideya [Russian idea]. 1992. Moscow, Publ. Respublika, 496 p.
- Samosoznaniye kul'tury i iskusstva kontsa XX veka. 2000. [Self-awareness of culture and art of the late twentieth century]. Moscow, St. Petersburg, Publ. Universitetskaya kniga Kul'turnaya initsiativa, 640 p.
- Seligmen A. 2002. Problema doveriya [The problem of trust]. Moscow, Publ. Ideya-Press, 256 p.
- Terner Fr. M. 2016. Yevropeyskaya intellektual'naya istoriya ot Russo do Nitsshe [European intellectual history from Rousseau to Nietzsche]. Moscow, Publ. Kuchkovo pole, 384 p.
- Traditsiya i russkaya tsivilizatsiya [Tradition and Russian civilization]. 2006. Moscow, Publ. Astrel', 282 p.
- Uoltser M. 2000. O terpimosti [On tolerance]. Moscow, Publ. Dom intellektual'noy knigi, 160 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.04.2022
Поступила после рецензирования 18.07.2021
Принята к публикации 20.07.2022

Received April 18, 2022
Revised July 18, 2021
Accepted July 20, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук, лейтенант полиции, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Aleksey V. Rimsky, Candidate of Philosophical Sciences, Police Lieutenant, Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia

Исмагилова Мария Михайловна, секретарь руководителя Культурно-спортивного центра (филиал ООО Газпром трансгаз Чайковский), Чайковский, Россия

Maria M. Ismagilova, Secretary of the Head of the Cultural and Sports Center (branch of Gazprom transgaz Tchaikovsky), Tchaikovsky, Russia

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород, Россия

Viktor P. Rimskiy, doctor of philosophy, Professor, Professor of the Department of philosophy, cultural studies, and science of the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia